

Бунт стрельцов. 1698. Развод с женой

Возможно, Петр еще задержался бы за границей, но из полученных им сообщений стало известно, что стрельцы, находившиеся в армии воеводы князя М. Г. Ромодановского, расположенной на западной границе, в Великих Луках, взбунтовались и двинулись к Москве. Возвращение Петра I было поспешным – он ехал день и ночь без сна и отдыха. Тем временем генерал Гордон с верными правительству войсками и артиллерией встретил мятежников под Новым Иерусалимом, у стен Воскресенского монастыря. После часового боя стрельцы бежали, последовали аресты и скорая казнь предводителей. Приехав в Москву, Петр начал расследование бунта, стремясь добраться до его истоков, установить возможную связь стрельцов с царевной Софьей и ее людьми. Для этого были основания – мятежники, пользуясь отсутствием царя в России, намеревались вернуть власть опальной царевне.

Никогда еще до этого не видели царя таким беспощадным и жестоким. Известно, что Петр сам участвовал в допросах и пытках стрельцов. Кроме того, он руководил массовыми публичными казнями мятежников, причем заставлял своих сподвижников собственноручно рубить приговоренным стрельцам головы. Всего по Москве и ее окрестностям казнили более двух тысяч человек, причем большинство из них отправляли на тот свет без следствия и суда, скопом.

Показательную жестокость царя можно объяснить его ненавистью к прошлому, которое вдруг проявило себя в мятеже стрельцов. Очевидно, что в это время он испытывал напряжение и страх. пытки и казни перемежались грандиозными попойками, которые устраивал Петр и его окружение, что придавало всему происходившему особую зловещую мрачность, напоминавшую о страшных временах опричнины Ивана Грозного. Казни продолжались до начала 1700 года, причем царь особенно гневался на своих сестер Софью и Марфу. Добытые во время стрелецкого розыска факты с несомненностью говорили, что бывшая правительница участвовала в заговоре, через служанок и родственников получала от заговорщиков записки, запеченные в «стряпне» – в пирогах, и отвечала им. Петр лично допрашивал Софью и Марфу, но подвергнуть их пытке все же не решился. Однако ближним, комнатным женщинам царевен пришлось в полной мере испытать гнев царя – их жестоко пытали, а одна, будучи беременной, родила во время страшной пытки. В итоге Софья была изолирована в Новодевичьем монастыре, пострижена под именем Сусанна и умерла там же в 1704 году. Другую сестру Петра, Марфу, постригли в монахини под именем старицы Маргариты и заточили в Успенский монастырь (Александровская слобода, бывшее опричное гнездо Ивана Грозного). Там она и скончалась в 1707 году.

Жестокими массовыми расправами Петр I стремился ликвидировать все корни сопротивления ему. Более того, вернувшись в Москву, царь велел остричь бороды своим ближним боярам и предписал всем дворянам переодеться в европейские одежды. Его раздражал даже их внешний вид, не говоря уже об их мыслях, поступках, намерениях. Этим символическим действием он начал свои великие реформы. Чуть позже обрезание бород стало причиной кровопролитного восстания в Астрахани. И восставшие, и Петр понимали символическое значение происходящего. Борьба с бородой была не просто капризом царя: борода была неким знаменем, неким символом борьбы. Без бороды – наш, свой, с бородой – чужой, враг! Не у всех хватало мужества воспротивиться насилию. В 1704 году в Москву пришел нижегородец Алексей Иванов, крича: «Слово и дело». Он был схвачен и доставлен в камеру пыток. На допросе сказал: «Пришел я извещать государю, что он разрушает веру христианскую, велит бороды брить, платье носить немецкое и табак велит тянуть. Пусть государь все переменит!» Не выдержав пыток – в застенке его спрашивали, кто его «подучил» говорить такое и кто его сообщники, – Иванов умер.

Таких смельчаков было мало, но многие также думали, что бороды и старинные одежды означают благочестие, которое

царь-антихрист жестоко разрушает. От всей этой операции под названием «борода» осталось в народе тяжелое чувство. Как тут не вспомнить слова одного ученого: «Как же было нужно унижить свою страну, чтобы ее возвысить». Впрочем, через несколько лет купечеству и горожанам право носить бороды вернули. Желающий мог заплатить 100, 50 или 30 рублей и – в зависимости от своего положения и состояния – получал специальный «бородовой знак» на шею и мог щеголять в бороде. Да уж какое тут щеголянье – бороду не уважали, а молодежь быстро пристрастилась к брадобритию и смеялась над невежественными отцами, заботливо прятанными когда-то отрезанные царем бороды, чтобы их положили им в гроб, ведь на том свете можно было их нацепить и предстать перед господом в пристойном виде.

Оказавшись дома, Петр I даже не пожелал увидеться с женой, царицей Евдокией. Ее судьбу он решил уже давно – развод. Он с нетерпением ждал встречи со своей любовницей – дочерью немецкого виноторговца из Немецкой слободы Анной Монс, с которой его познакомил Лефорт. Несколько лет Анна была любовницей царя. Еще из Лондона Петр распорядился, чтобы опостылевшую ему Евдокию склонили к добровольному пострижению – только так можно было с ней развестись. По возвращению в Москву царь узнал, что указ его еще не выполнен, а царица до сих пор еще в Кремлевском дворце. Тридцать первого августа 1698 года царь четыре часа уговаривал супругу уйти в монастырь, но безуспешно. Тогда через месяц сына Петра, царевича Алексея, отобрали у матери и перевезли в Преображенское к сестре Петра царевне Наталье Алексеевне, а Евдокию отвезли в суздальский Покровский монастырь.

Царица Евдокия Федоровна.

Действующие лица

Царица Евдокия Федоровна

В 1689 году родные 17-летнего царя Петра I, даже не спросив его согласия, «оженили» его на 20-летней девице Евдокии Федоровне Лопухиной. Этот брак был частью интриги Нарышкиных против Милославских, женивших царя Ивана на Прасковье Салтыковой. Вместе Петр и Дуня прожили почти 10 лет, и царица родила трех сыновей, из которых выжил только Алексей. Но жизнь супругов не была счастливой. Дуня была явно не пара Петру. Они жили как будто в разное время, в разных веках: Петр жил и чувствовал себя в европейском XVIII веке с его свободой, открытостью, прагматизмом, а Дуня, воспитанная традиционно, оставалась в русском XVII веке, требовавшем от женщины следования обычаям терема, предписаниям Домостроя... Да и характерами супруги не сошлись. Порывистость, бесцеремонность, эгоизм Петра сталки-

вались с упрямством и недовольством Дуни – особы самолюбивой и строптивой, которая не принимала образ жизни своего непоседливого мужа. Пропасть между супругами с годами все углублялась, особенно после появления в жизни Петра Анны Монс. Развязка наступила в 1698 году, когда по воле царя Дуню увезли в Суздаль. Двадцатидевятилетняя, полная сил женщина отчаянно сопротивлялась: она не хотела, чтобы ее заживо замуровали в келье. Приняв постриг и став старицей Еленой, она не примирилась со своей судьбой. Вскоре она сбросила монашеский куколь и стала жить как женщина светская, как паломница. Ей это позволяли – монахи помнили, что у них живет мать наследника престола, будущего царя Алексея. В 1710 году у нее начался короткий и бурный роман с майором Степаном Глебовым. Сохранившиеся письма Дуни к нему говорят о ней как о женщине темпераментной, живой и чувственной: «Забыл ты меня так скоро. Не угодила тебе ничем. Мало, видно, твое лицо, и руки твои, и все члены твои, и суставы рук и ног твоих политы моими слезами...» В 1718 году открылось дело царевича Алексея, по нему привлекли и Глебова, нашлись и письма Дуни. На очной ставке в застенке Дуню вынудили подписать покаянную расписку – один из уникальных документов русской истории: «Я, бывшая царица, старица Елена... с Степаном Глебовым на очной ставке сказала, что с ним блудно жила в то время как он был у рекрутского набору, и в том я виновата; писала своею рукою я, Елена». Зачем нужна была Петру такая расписка? Наверное, чтобы больнее ударить и страшнее оскорбить бывшую жену и собственного сына-наследника. О блуде Евдокии и Глебова было даже написано в манифесте, который читали по всей России... Глебов был живым посажен на кол посередине Красной площади. Почти сутки Глебов маялся на колу, чтобы он преждевременно не умер от холода, заботливые палачи надели на него полушубок... Все это время возле места казни стоял священник и ждал покаяния. Но так и не дождался – Глебов умер молча... Для Петра такое гордое упорство подданного – вопреки голосу разума, ужасу перед болью – оказалось неожиданным. Ни один преступник не имел права уйти на свободу или на тот свет с высоко поднятой головой – таков вечный принцип тиранической власти. И Петр этого не забыл. В 1721 году он приказал каждый год провозглашать во всех церквах анафему Степке Глебову, как ее провозглашали раньше Гришке Отрепьеву, Степке Разину, Ваньке Мазепе... Какой ряд, какие страшные государственные преступники! И среди них – всего-то сожигатель бывшей царицы.

Старицу Елену ждал монастырь-тюрьма в Новой Ладогге, да такой суровый, что даже охранники не выдерживали холода, умоляли начальство их оттуда «свести» – отозвать. Затем ее пере-

вели в Шлиссельбург – тоже место, как известно, не курортное. Когда в январе 1725 года умер Петр и (час от часу не легче!) на престол вступила Екатерина I, жизнь узницы стала еще хуже. И лишь весной 1727 года с приходом к власти Петра II, ее родного внука, сына царевича Алексея, Евдокию освободили и отвезли в Москву. Но никакой политической роли она уже не играла и умерла в 1731 году в Новодевичьем монастыре, где когда-то закончила свою жизнь царица Софья.

Отправив Евдокию в монастырь, Петр получил нужную ему свободу от брака. Его роман с Анной Монс продолжался. Известно, что он намеревался жениться на Анне официально, если бы в 1702 году неожиданно не обнаружил, что Анна неверна ему. В документах утонувшего под Шлиссельбургом саксонского дипломата Кенигсека была найдена любовная переписка с Анной Монс. После этого Анна на долгие годы была посажена под домашний арест. Потом она вышла замуж за прусского посланника. Умерла Анна в 1714 году.